

ОТЧУЖДЕНИЕ И КУЛЬТУРА

1

Если принять, что в объектах культуры дух реализуется не полностью, то вся изучаемая нами история культуры есть история отчужденного духа. Живое взаимоотношение персон эпохи не дано *исследователю* во всеоружии позитивных методов. История доступна не историку, а поэту. Фантазия – необходимое условие постижения истории, условие про-живания истории и преодоления отчуждения от набора древностей в музеях. Эпос, а впоследствии исторический роман, более значимы, чем летопись.

Именно произведение искусства может сказать что-то действительное об исторической эпохе. Конечно, его герои движутся в собственном мире, и их движение есть форма воссоздания истории *по-новому*. Повторить историю нельзя. Да и нужно ли? Нужна ли история вне нашего фантазирования и интерпретации? На первый взгляд, кажется – да. Нужны хроника-скелет и образное оживление хроники. Но до конца ли мы осознаем, какую роль играет образное наполнение истории культуры? Выступает ли хроника выражением *настоящей истории*? Событие нанизывается на событие вне их

глубинной связи, просто потому, что одно следует за другим. Все новые костюмы надеваются на своих ветхих предшественников. Является ли историей, например, тысячелетия монотонного совершенствования обсидианового рубила? Насколько человечна инстинктивная монотонность этого процесса?

Вряд ли стоит спорить с тем, что история культуры есть история уникальных произведений, меняющих лицо эпохи, история их авторов, а также история воли к власти, осуществляющий на этой основе мировые катаклизмы. Можно сказать так, вне этой истории мы не найдем культуры. И добавить: лишь художественное произведение способно воскресить ее, преодолеть отчужденность от жизни.

Но проблема корениться глубже: дух не реализуем до конца в материи произведения. Отчужденность проявляется не только в отношении к прошлому и далекому, но и к настоящему, более того – к *своему*.

Трагизм проблемы, составляющий тайный стержень европейской метафизики, заставляет обратиться к ней с особым вниманием.

Когда я говорю, что культура отчуждена от полной жизни духа – как понимать это? Дух в течение жизни застывает в неких формах, но он не может войти в них до конца. Он подобен Дон Жуану, который не может принять полностью ни одну земную женщину. Всегда остается что-то неуловимое, дух-в-себе, нечто более богатое, чем совокупность произведений.

Что это? Кормление ребенка с ложечки или рассматривание его фотографий, более значимых для кого-то, чем все сокровища Эрмитажа и Лувра? Загородная прогулка с близкими друзьями? Все то, что называется душевностью?

Нет, речь идет не только об этом. Дух-в-себе есть поток жизни пассивного индивида в социуме. Это явление внутри самого творца культуры – результат противоречия идеи и ее воплощения. Это грандиозность замысла, *выполненного недостаточно грандиозно.*

Но дух-в-себе и беднее, чем совокупность его творений, ибо произведение – бытие духа на пределе. В нем непосредственно-мифологически разрешает то, что не разрешимо в жизни.

Как объединить культурное и вне-культурное? Или точнее: как осуществить сублимацию пред-культурного и эманацию над-культурного в культурное? Такое слияние может быть в личности гения. И вместе с тем, все элементы человеческого мироздания в нем наиболее отчужденны. Пред-культурное спорит в личности гения, разрыв здесь наиболее трагичен и страшен. Гений – актуальная модель взаимоотношения пред- и над-культуры. И результат этого взаимоотношения – одиночество гения.

3

Культура растет как дерево. Только солнце находится не вне, а внутри нее. В этом – опасность. Гении, творящие парадигмы и архетипы, способны испелить культуру. Каждое гениальное произведение есть выход за рамки культуры в потусторонние миры.

Отчуждение метакультуры гениев и культуры – необходимое условие существования последней. Без него культуры просто нет. Но отчуждение это само порождает свое преодоление.

Гении творят мифологии. В них все грани отчуждения культуры сняты. Мифология – это культура в ее идеально-выдуманном бытии. Познать какую-то культуру – значит познать ее мифологию. Но каждая мифология стремится снять не только внутренние отчуждения, но и нечто трансцендентное – в культуре лишь осознаваемое – отчуждение замысла и его оформления – самую глубинную форму отчуждения. Это ставит ее в оппозицию ко всей остальной культуре. Мифология выносит себя за рамки культуры вообще, но вместе с тем выступает ее почвой.

5

Каждая культура нуждается в мифологии. Каждая культура отчуждена от мифологии. Отчужденность эта аналогична отчужденности Человека и Бога. Мифология – «свое-другое» культуры, но другое *не качественно, а трансцендентно.*

Можно предположить, что в наше время – доминирования компьютера и понятия – отчуждение от мифологии возрастает. Некоторые даже считают,

что можно говорить о демифологизации сознания современного человека.

Так ли это? Способна ли культура существовать без мифологии – мира, в котором разрешаются все неразрешимые противоречия? Скорее всего, мы можем говорить об отдаленности (может, чисто геометрической) мифоценностей европейской культуры от нашей жизни и обязательности трагического их переживания. Наш современник живет во всевозрастающем потоке стандартизированных вещей, культурные же ценности должны пребывать вне этого потока.

Для пояснения этой мысли можно привести парадокс небоскреба и замка. Лучше видеть из окна небоскреба замок, чем жить в замке, из окна которого виден небоскреб. В первом случае – окруженные стандартизированными вещами, мы видим культуру вдали как уникальность. Во втором, – имеем культурное близкое и мир цивилизации вдали – вокруг. Нужно отступить от явления для того, чтобы понять его значимость. Отчуждение здесь поворачивается другой стороной – это отчуждение–ностальгия, отчуждение–сентиментальность. Мы ярче переживаем те явления культуры, которые начинаем утрачивать.

В другие времена, возможно, было иначе. Трагическое чувство отчуждения культуры и ее мифологической кроны для человека XX века – одно из наиболее сильных. В этом причина разорванности и силы этого человека. Но трагедия, как это было всегда, не может не иметь завершения. Она означает определенный рубеж.

За ним либо пропасть, либо проявление новой мифологии – *мифокультуры*.

1992